

«БУРЖУАЗНЫЕ» ИСТОРИКИ И ИСТОРИЧЕСКАЯ НАУКА В СОВЕТСКИХ РЕАЛИЯХ 1920-Х ГОДОВ

“BOURGEOIS” HISTORIANS AND HISTORICAL SCIENCE IN THE SOVIET REALITIES OF THE 1920S

N. Pepelina

Summary. the article raises the problem of the specifics of interaction between pre-revolutionary historians and Soviet reality in the 1920s, including the example of changes in archaeology that occurred after the October revolution of 1917. The issues raised are as peaceful cooperation, and the subsequent harassment and repression of “bourgeois” scientists from representatives of the new authorities and historians-Marxists.

Keywords: archaeology, Soviet historical science, “bourgeois” historians, transformation, Soviet power, ideology, historical concept.

Пепелина Наталья Игоревна

*К.и.н., доцент, ФГБОУ ВО «Московская государственная академия ветеринарной медицины и биотехнологии — МВА им. К. И. Скрябина»
referatpep@yandex.ru*

Аннотация. в статье поставлена проблема специфики взаимодействия до-революционных ученых-историков и советской действительности в 1920-е годы, в том числе, на примере изменений в археологии, произошедших после Октябрьской революции 1917 года. Затронуты вопросы как мирного сотрудничества, так и последующих нападок и репрессий «буржуазных» ученых со стороны представителей новой власти и историков-марксистов.

Ключевые слова: археология, советская историческая наука, «буржуазные» историки, трансформация, советская власть, идеология, историческая концепция.

Нельзя назвать в России ни одной области общественного бытия, которая не испытала бы на себе кардинальные перемены, принесенные революционным вихрем в октябре 1917 года. Приход к власти большевиков обеспечил значительные преобразования в политической, социально-экономической и культурной сферах. Несмотря на тяжелейшие обстоятельства, в которых находилось молодое советское государство, большевистское правительство решительно сокрушало прежние институты в соответствии с провозглашенной идеей разрушения «старого мира до основания» и постройки «нашего нового мира». Такая же работа проходила в области исторической науки. История — дисциплина наиболее политизированная, зависимая от внешней и внутренней позиции государства, способствующая патриотическому воспитанию граждан и играющая важную роль в формировании массового сознания, где своеобразным рычагом этого процесса является историческое образование. Поэтому в тех трудных условиях и требовался пересмотр функционирования исторических институтов, которые нужно было подчинить современным реалиям и потребностям социалистической страны.

Необходимые изменения осуществлялись созданным после революции Народным Комиссариатом Просвещения (НКП)¹. Во-первых, отказались от специального пре-

подавания истории в образовательных учреждениях. В вузах исторические факультеты заменили факультетами общественных наук (ФОН), а в школах преподавание истории сменилось обществоведением в рамках введения комплексной системы обучения². Во-вторых, происходило формирование новой советской исторической концепции, основанной на марксистской методологии и получившей воплощение в трудах М.Н. Покровского [17]. Этого ученого можно назвать главой советской исторической науки в 1920-е годы, и именно при его активном участии создавались новые исторические учреждения³, готовившие молодые кадры историков-маркси-

ский. Главные задачи, поставленные перед комиссариатом, заключались в следующем: руководство школьным делом в стране, наукой и научными учреждениями, искусством и всеми вопросами культуры; социальной, воспитательной и политико-просветительской работой среди населения. С 1920 года после ликвидации Государственной комиссии по просвещению. НКП стал единственным органом в стране, осуществлявшим руководство народным просвещением и вопросами культуры. (См.: Сборник декретов и постановлений РКП по народному образованию. Вып. I–II. — М., 1918–1920).

² Комплексное изучение общественных дисциплин должно было обеспечить связь изучаемого предмета (в данном случае, истории) с жизнью. Только тогда, согласно линии НКП, он становился важным и значимым для учащихся в современных условиях. Современность требовала, чтобы все без исключения отвечало ее нуждам и потребностям. Изучаться должно то, что ценно для современных граждан, а ценно то, что связано с действительностью и ее идеалами. Позиция вполне понятна: таким образом проще приспособить что бы то ни было к пропаганде, поставить на службу идеологическим интересам, наполнить определенным политическим смыслом.

³ Социалистическая (с 19 г. — Коммунистическая) Академия (1918–1936), Институт красной профессуры (1921–1936), ИМЭЛ (1922–1991??), Испарт (1920–1928) и проч.

¹ В ноябре 1917 года на заседании II Всероссийского съезда советов был создан Народный комиссариат просвещения РСФСР, возглавил который А.В. Луначарский, его заместителем был назначен историк М.Н. Покров-

стов, которые должны были прийти на смену поколению «буржуазных» историков, тех, которые остались в стране и вынуждены были приспособляться к сложившимся условиям. Дореволюционные ученые-историки сохраняли свои места в институтах Академии наук, на университетских кафедрах, в музеях, сформированные и функционировавшие до революции. Некоторые учреждения продолжили работы, другие прекратили свое существование или были преобразованы.

Так, например, основными центрами изучения археологии в дореволюционной России были:

- ◆ Императорская археологическая комиссия в СПб (возникла в 1859 г.), а при ней — Русское археологическое общество (просуществовало до 1924 г.). После революции, в 1918 году Императорская Археологическая комиссия была преобразована в Российскую Археологическую комиссию, а в 1919 году — в Российскую академию истории материальной культуры (с 1926 года — Государственная — ГАИМК), возглавил которую языковед академик Н.Я. Марр. Она просуществовала до 1937 года, когда была переименована в Институт истории материальной культуры и слита с АН СССР. ГАИМК как ведущая археологическая организация объединила научные силы, в первую очередь, Ленинграда [12, с. 5].
- ◆ Археологические институты Москвы и Петербурга, где велось преподавание археологии (просуществовали до 1922 года). После ликвидации истфаков археологию преподавали на упомянутых выше Факультетах общественных наук. В 1926 году ФОНы были упразднены, в МГУ трансформированы в этнологическое отделение; в ЛГУ в факультет языка и материальной культуры; на периферии их не стало вовсе. Просуществовали они до 1931 года, а в 1934 году вновь были открыты исторические факультеты.
- ◆ Российский государственный музей в Москве (создан в 1872), исследовательские археологические работы велись там и далее. При музее — Московское археологическое общество (просуществовало до 1923 г.).

В середине 1921 г. по инициативе СНК «Наркомпрос принял решение об организации научно-исследовательского Исторического института» при ФОН МГУ. Особенностью вновь созданного учреждения было привлечение к работе старых специалистов с целью использования их знаний, а также определенного контроля и внедрения среди них марксистской методологии: «партия смело привлекала к работе буржуазную профессуру, постепенно усиливая влияние марксистов» [7, с. 233]. Чуть позднее указанная организация была несколько трансформирована и переименована в Россий-

скую ассоциацию научно-исследовательских институтов общественных наук (РАНИОН).

Одной из задач РАНИОН была научно-исследовательская работа в области археологии, сосредоточенная в соответствующей научной секции и сохранявшая в большой степени черты, присущие ей в дореволюционный период. «До середины 20-х годов исследования, как правило, велись в соответствии с личными планами отдельных ученых и являлись главным образом продолжением ранее начатых трудов» [7, с. 253].

Поэтому в Москве основные силы археологии сосредоточились в РАНИОН. Соответствующую секцию возглавлял В.А. Городцов — крупнейшая фигура в научном мире в 1920-е годы, во многом благодаря его труду удалось сохранить наследие и преемственность русской археологической мысли. Обладая талантами организаторской и административной деятельности, он оказался задействован в советском строительстве (вероятно, этому способствовало и его критическое отношение к прежней власти). В 1918 г. он был назначен членом Всероссийской коллегии Отдела по делам музеев и охране памятников искусства, старины и природы, созданным при НКП РСФСР [5, с. 38–39]. Много преподавал, активно участвовал в научной и административной работе Исторического музея. «В 1920-е годы В.А. Городцов, как представитель Музейного отдела Наркомпроса, участвовал во всех наиболее значимых встречах археологов, музейных деятелей, краеведов» [5, с. 46–47].

Таким образом, в 1920-е годы работа археологов — как исследовательская, так и образовательная — не прекращалась, а продолжала свое развитие. Были сформированы две сильные археологические школы в Москве и Петрограде-Ленинграде, обучение молодых археологов стало систематизированным и подчиненным методологической основе. «В СССР впервые начали подготавливать кадры настоящих, профессиональных археологов, с хорошей практической и теоретической подготовкой на базе цикла наук исторического факультета. Уже со времени аспирантуры будущие археологи специализировались на определенном археологическом периоде или на археологии какой-нибудь области» [9, с. 41]. Новые учреждения стремились к упорядочиванию исследовательской деятельности ученых, возобновленные раскопки носили систематизированный и отчетный характер, выходили научные монографии и периодические издания¹, проходили научные съезды,

¹ В первую очередь периодические издания выпускала ГАИМК в Ленинграде: «Известия ГАИМК» (1921–1935 гг.), «Сообщения ГАИМК» и т.д., а также в 1926–1930 гг. вышло несколько выпусков «Трудов секции археологии РАНИОН» в Москве. Свое издание было в Казанском университете: «Известия общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете» 1919–1929 гг.

было множество археологических работ на местах, отведенных под новое строительство [15].

Важным условием развития археологической науки в Москве было установление и поддержание контактов с областными краеведческими организациями. Это позволяло ученым при подобном сотрудничестве получать дополнительную полезную информацию [9, с. 38]. Так, у В. А. Городцова преподавательская, административная и музейная деятельность «была неотъемлема от участия в краеведческом движении... С большинством краеведов В.А. состоял в переписке» [5, с. 46–47].

Краеведение, в котором участвовали как профессионалы, так и любители, в 1920-е годы переживало небывалый подъем. Зародившись еще в императорской России, после революции оно получило новый импульс развития, возникший на волне пропаганды этнической самобытности населения страны. Во многом этому способствовала позиция Наркомпроса, поддерживающая возросший интерес к истории родного края.

В 1922 г. при Академии наук было создано Центральное бюро краеведения (ЦБК). Выступая с докладом на I-й Всероссийской конференции научных обществ по изучению местного края нарком просвещения А. В. Луначарский сказал: «Наша гигантская, необъятная страна была плохо изучена и еще теперь мало известна ее подлинному хозяину, трудовому народу. Нужно эту работу поставить как можно тщательнее во всех областях» [6, с. 1]. Через два года ЦБК отделилось от Академии наук и превратилось в самостоятельный орган, находившийся в ведении Главнауки Наркомпроса. В последующие десять лет краеведческое движение получило небывалый размах. Краеведческие организации возникали повсеместно, особенно сильными они были в черноземных районах — Воронежской, Курской, орловской областях и т.п. Центральным бюро краеведения издавались журналы «Краеведение» (1923–1929 годы), «Известия Центрального бюро краеведения» (1925–1929 годы). Но, несмотря на призыв НКП и подведомственных учреждений к «изучению в краеведческих организациях местных природных богатств, промышленности и пр., краеведческие организации развивались исключительно в качестве археологических» [9, с. 37].

Поддержка интереса к истории родного края, его самобытности нашла отражение в подходе к созданию учебных программ для общеобразовательной школы при изучении обществознания. В 1920-е годы кардинальные перемены преподавания истории в школе и переход к комплексным программам повлекли пересмотр содержания школьных учебников и принципы их составления. Как и в преподавании, в вопросе создания учебника приветствовалось новаторство. Стабильные

учебники были отвергнуты и заменены так называемыми рабочими книгами. Выбранную линию поддерживал НКП, который стоял на позиции ненужности и даже вредности стабильных учебников, что приветствовалось большинством революционно настроенных работников образования.

Рабочие книги должны были составляться на местах учителями, активистами и самими учащимися, иметь краеведческий характер. ГУС¹ сформулировал принцип создания новых «рабочих книг» следующим образом: «Наша книга — районная, краеведческая и создать ее могут только места... Рядовой просвещенец самой жизнью призван творить учебник для школы своего края» [8, с. 26]. Такие рабочие книги включали в себя задания, материалы для работ школьников, инструкции, расположенные в порядке комплексов и согласованные с сезонными изменениями в природе. Содержание книги охватывало сразу несколько изучаемых предметов: природоведение, трудоведение, обществоведение. Отчасти с помощью книги учащиеся должны были овладеть определенными навыками. Каждая тема такого «учебника» состояла из четырех частей:

- ◆ материала, стимулирующего интерес к данной теме;
- ◆ трудового задания по данной теме;
- ◆ справочного материала для данного задания;
- ◆ обобщения.

Причем предполагалось, что содержание рабочих книг будет меняться вместе с жизнью, книга не должна быть стабильна. Только созданная подобным образом книга могла, по мнению органов народного просвещения, выполнить требование современной жизни — учить ребенка настоящему. Такой подход к учебнику соответствовал принципу комплексных программ.

Результат нововведений оказался не столь позитивным, как на то рассчитывали их разработчики. Предложенные идеи воплотить в жизнь не удалось. Учебные программы ежегодно изменялись, а вслед за ними и учебные книги, что привело в итоге к общему низкому показателю уровня подготовки школьников. Были нарушены принципы научности, последовательности и преемственности в обучении, что негативно отразилось на знаниях школьников. В дальнейшем практически все новшества 1920-х годов были отвергнуты [11].

Но мирный ход сотрудничества советской власти с «буржуазными» историками был прекращен в конце

¹ Государственный ученый совет — руководящий научно-методический орган НКП РСФСР. Осуществлял политику государства в областях науки, искусства, образования и социального воспитания. Возглавлял М. Н. Покровский. Упразднен в 1933 г.

1920-х годов. Ею был предпринят ряд шагов, направленных на установление контроля над теми научными учреждениями, где работали в большинстве своем буржуазные историки. Видимо, не последнюю роль здесь сыграли как раз идеологическая и политическая составляющие исторической дисциплины.

В 1927 году СНК СССР утвердил новый (первый советский) устав Академии Наук СССР, который был подготовлен специально созданной комиссией Совнаркома и ориентирован на включение АН в общую систему советских учреждений, подконтрольных партии и правительству. Тем более, на тот момент в академии преобладали «буржуазные» специалисты и перед органами Советской власти стояла задача введения в состав академии ученых — марксистов.

В конце 1928 г.— начале 1929 г. прошла Всесоюзная конференция историков-марксистов, отметившая прогресс в развитии советской исторической науки. «Успехи, достигнутые советской исторической наукой, позволили ей перейти в решительное наступление на буржуазную историографию» [16, с. 152]. В частности, в 1929 г. на выборы в Академию наук были представлены несколько ученых-коммунистов¹, трое из которых по результатам голосования не прошли в члены академии². Закономерно, что это событие вызвало бурю негодования у историков — марксистов. Вполне вероятно, оно и стало одним из поводов начала активного непримиримого наступления на буржуазную науку на фоне общих изменений в стране. Итогами событий стали: появление печально знаменитого «Академического дела» по которому были осуждены крупнейшие дореволюционные русские историки, занимавшиеся совершенно разными научными вопросами [3]; безжалостный разгром краеведческого движения, прекращения деятельности краеведческих организаций, аресты краеведов [1], [2], [18]; нападкам на археологию, в результате которых ведущие археологи страны подверглись жесткой критике, нашедшей отражение в различных периодических статьях. Так, в статье археолога В. И. Равдоникаса говорилось: «Крайняя идеологическая слабость истории материальной культуры и археологии. И не пора ли превратить эти науки из убежища для чуждых или враждебных марксизму идеологий в цитадель и рассадник подлинно марксистской мысли?» [13, с. 94]. Многие ученики отреклись от своих учителей. В научной сфере появились люди, ориентированные на идеологическую работу в исследовательской среде, но не оставившими следа в самой науке [15, с. 55].

¹ Большинство руководящих должностей в учреждениях, возникших до революции и продолживших свое существование после нее, преобладали «буржуазные» ученые. Марксистские кадры сосредоточились в новых учебных и научных заведениях, возглавляемых в основном М. Н. Покровского.

² Н. М. Лукин (1885–1940), А. М. Деборин (1881–1963), В. М. Фриче (1870–1929).

Например, историк С. Н. Быковский — один из пропагандистов идей Н. Я. Марра, активный участник травли «буржуазных» историков, а также ученых, не принимавших его новое учение о языке, писал: «История материальной культуры, как известно, представляет собою один из наиболее неблагоприятных участков нашего фронта. Марксистских сил здесь особенно мало... «Старый дух» там, где он действительно имеется, надо выколачивать до конца, не взирая на лица. Наука, которая должна быть наконец поставлена на службу социалистического строительства, от этого не проиграет» [4, с. 20–22]. Причем сам С. Н. Быковский вместе со многими другими историками-марксистами позже попадет под маховик репрессий и будет расстрелян в 1936 году обвиненный по печально известной 58 статье.

В. А. Городцов не был репрессирован как «буржуазный» ученый, но в 1929 году уволен из Музейного отдела НКП и ГИМа, удален из ГУСа, освобожден от должности председателя археологического сектора в ГАИСе и РАНИОНе. После закрытия кафедры археологии 1 МГУ остался фактически без работы [5, с. 56].

После революции и в первой половине 1920-х годов зарождавшаяся советская историческая наука, только возникшая, практически не имела ресурсов, которые только предполагалось создать. Сотрудничество ее с «буржуазными» историками было неизбежно для того, чтобы продолжались научно-исследовательские и образовательные процессы. К тому же восстановление страны, эпоха НЭПа, внутривластная борьба, широкие изменения во всех областях предполагали определенную долю демократизма в преобразовательной деятельности. Но понятно, что подобное продолжалось только до определенного момента. Такой идеологически важный участок просто не мог не подвергнуться самому пристальному вниманию пропагандистов и агитаторов новой власти и не быть перестроен в соответствии с новыми идеалами победившего коммунизма. Постепенно укрепилось руководство страной, развивались научные учреждения, созданные советской властью и отвечавшие за формирования марксистской исторической науки, накапливался опыт исследовательской работы, выросло новое поколение историков-марксистов — выпускников большевистских вузов. К концу 1920-х годов появилась возможность постепенно выживать из научного процесса «буржуазных» историков, чуждых марксистским установкам в науке и методологии и не стремящихся овладеть ими.

Большую роль в изменившемся отношении к «буржуазным» историкам сыграли политические причины. «Вторая половина 1920-х — начало 1930-х годов — период острой классовой борьбы в стране, проходившей в сложных международных условиях и находившей отра-

жение в борьбе идеологической» [16, с. 152]. В 1928 году в СССР начались принципиально новые процессы: шло сворачивание политики НЭПа, в 1929 году («год великого перелома») был принят правительством пятилетний план развития народного хозяйства на основе «опыта строительства социализма в отдельно взятой стране», форсированные коллективизация и индустриализация. В декабре 1929 года в стране широко праздновалось 50-летие Сталина, к этому моменту бесспорного вождя ВКП(б) и Коминтерна. 16 съезд ВКП(б) был назван съездом «развернутого наступления социализма по всему фронту». Оппозиция, сочувствующие, а также подозреваемые в неприятии советской власти во всех областях должны были быть окончательно вытеснены.

В конце 1920-х — начале 1930-х годов воинственно настроенные, выращенные «красным профессором» Покровским историки-марксисты активно боролись за ис-

ключение «буржуазных» ученых из исторической науки. Обвинительные процессы были закончены ссылками, увольнениями, лишениями возможностей вести преподавательскую и научную деятельность крупнейших ученых историков страны.

Историческая наука вместе с археологией были полностью «переведены на марксистские рельсы». Но уже совсем скоро, поставленные под контроль правительства бывшие осужденные ученые были привлечены Сталиным и его сподвижниками к участию в создании новой исторической концепции, значительно отличавшейся от той, что в 1920-е годы предложили М. Н. Покровский и его ученики. Во второй половине 1930-х годов моховик репрессий настиг тех, кто в 1929–1931 гг. так яростно нападал на «буржуазных» историков. Теперь уже историки-марксисты предстали перед судом, и их постигла во многом еще более печальная и трагичная участь.

ЛИТЕРАТУРА

1. Акиншин А. Н. Трагедия краеведов: (По следам архива КГБ) // Русская провинция. Воронеж, 1992. С. 208
2. Акиншин А. Н. Судьба краеведов (конец 20-х — начало 30-х годов) // Вопросы истории. 1992. № 6–7. С. 173
3. Брачев В. С. Травля русских историков. М., 2006. — 320 с.
4. Быковский С. Н. Какие цели преследуются некоторыми археологическими исследованиями? // Сообщения ГАИМК №№ 4–5. 1931. С. 20
5. Городцов В. А. Дневники 1928–1944. М., 2015. — 687 с.
6. Государственный архив Российской Федерации. Ф. 2307. Оп. 2. Д. 33. Л. 1
7. Иванова Л. В. Российская ассоциация научно-исследовательских институтов общественных наук // Очерки истории исторической науки в СССР. Т. 4. М., 1966. — 856 с.
8. Мальцев А. К. Советской школе — высококачественный стабильный учебник // Коммунистическое просвещение. — 1930. — № 1. С. 25
9. Миллер М. А. Археология в СССР. Мюнхен, 1954. — 159 с.
10. Очерки истории исторической науки в СССР. М., 1966. — 856 с.
11. Пепелина Н. И. Эволюционные процессы в советском школьном историческом образовании // Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. М., 2011. — 216 с.
12. Платонова Н. И. Российская Академия истории материальной культуры. Этапы становления (1918–1919 гг.) // Советская археология, 1989. № 4. С. 5
13. Равдоникас В. И. За марксистскую теорию материальной культуры. Известия ГАИМК, Т. 7, выпуск 3–4. 1930. — 94 с.
14. Сборник декретов и постановлений РКП по народному образованию. Вып. I — II. — М., 1918–1920. — 204 с.
15. Формозов А. А. Русские археологи в период тоталитаризма. М., 2004. — 344 с.
16. Черепнин Л. В. Борьба за марксизм против философских и методологических принципов буржуазной и мелкобуржуазной историографии во второй половине 1920-х — начале 1930-х годов // Очерки истории исторической науки в СССР. Т. 4. М., 1966. — 856 с.
17. Чернобаев А. А. «Профессор с пикой» или три жизни историка М. Н. Покровского. — М., 1992. — 234 с.
18. Щавелев С. П. «Дело краеведов ЦЧО» 1930–1931 годы (Курский «филиал»). — Курск, 2007. — 271 с.

© Пепелина Наталья Игоревна (referatper@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»